

УДК 9с

DOI: 10.15393/j14.art.2018.116

Чернякова Ирина Александровна*

Воронина Полина Сергеевна**

*Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений,
руководитель исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии,
доцент российской истории в университете Восточной Финляндии (кампус Йоэнсуу),
кандидат исторических наук

**Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук
Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии;
волонтер-исследователь,
магистр по направлению подготовки 46.04.10 (История)

Воспоминания Георгия Никифоровича Акатова (часть II)

Продолжение, начало см.: CARELiCA. 2017, 1(17). С. 83—110.

URL: [http://carelica.petrus.ru/CARELiCA_/1_2017_\(17\)/chernyakova.html](http://carelica.petrus.ru/CARELiCA_/1_2017_(17)/chernyakova.html)

Аннотация: Воспоминания Георгия Никифоровича Акатова публикуются с сохранением всех особенностей языка автора и передачи его форм на письме. Мы полагаем, что данный текст является уникальным благодаря индивидуальности, в высшей степени присущей его автору, и что более всего своей аутентичностью текст заинтересует не только исследователей-лингвистов, но и, возможно, социальных психологов. К тому же сам автор воспоминаний не однажды подчеркивает, что специально старался сохранить и передать специфику коллективной ментальности деревенского сообщества, в котором родился и вырос, неукоснительно фиксируя все особенности речевого строя окружавших его людей: родных и соседей, а также обитателей окрестных деревень.

Подчеркнуто бережного отношения заслуживает передача текста автора воспоминаний ещё и потому, что он является прямым потомком того самого «слепого старика-крестьянина», от которого А. Ф. Гильфердинг записывал былины летом 1871 г. Свидетельствует об этом восторженная цитата из публикации знаменитого собирателя: «... я упросил его сказать свои старины, и старик Иев Еремеев запел превосходную былинку про превращения Добрыни под магическим действием нашей русской Цирцеи, Маринки». Опираясь на комментарий к приведённой цитате на сайте Генеалогического Общества Карелии, в котором Татьяна

Панюкова, правнучатая двоюродная племянница Г. Н. Акатова, сообщает, что приходится пра-пра-правнучкой упомянутого сказителя, полагаем, что её пра-пра-прадед и герой множества колоритных эпизодов в изложении автора мемуаров — его дед Иев Еремеевич Акатов — один и тот же человек. (см.: https://vk.com/photo-44741316_290992618).

Ключевые слова: Г. Н. Акатов; воспоминания; Кокорин-остров; Мелой-губа; Кондопога, Петрозаводск; Санкт-Петербург; ремесленное ученичество Михаил брат т

Археографическое введение

При подготовке к публикации текст был разбит на законченные фразы и смысловые части. В соответствии с правилами современного языка были расставлены знаки препинания: точки, тире, запятые и вопросительные знаки; сняты неуместные двоеточия и точки с запятой. В то же время оставлены все восклицательные знаки. Они присутствуют в публикации исключительно в авторском варианте употребления. Прямая речь заключена в кавычки при подготовке текста к опубликованию. Таким же образом — в кавычках — воспроизведены присутствующие в рукописи прозвища, поговорки, цитаты. Не частые случаи употребления кавычек самим автором отмечены в подстрочных примечаниях. Автор нередко применял круглые скобки, которые оставлены в публикации как есть.

Все характерные нюансы письменного языка автора неукоснительно сохранены. В точном соответствии с оригиналом передаются слова и выражения, вышедшие из употребления, а также отражающие местный диалект и бытовую терминологию. Присутствующие на конце слов знаки смягчения сохранены, однако отсутствующие не добавляются. Сохранено авторское употребление дефиса, которое в оригинале не носит систематического характера, так же как сохранено слитное написание, где должно быть раздельно, и раздельное, где должно быть слитно. Сохранено авторское употребление прописных букв. Ошибки и опiski не исправляются. Пояснением «так в рукописи» отмечаются только те ошибочные написания в авторском тексте, которые читатель может принять за опечатки.

Мягкий знак на конце слов добавлен только в тех случаях, когда это необходимо для верного понимания смысла. Сохранены все Ё авторского текста, но исправлений в других местах, где необходимо Ё, а не Е, не вносилось. Все топографические и географические названия переданы с прописной буквы, хотя в рукописи употребление прописной не носит неременного характера и встречаются топонимы, написанные со строчной, например, фонтанка, обуховская площадь, вознесенский проспект. Данные вмешательства в текст не отмечались квадратными скобками. Минимальное редактирование, например, восполнение предлогов или пропущенных в середине и на конце слов букв, применено только в тех случаях, когда это необходимо для правильного понимания текста, и всегда отмечено квадратными скобками.

Г. Н. Акатов с супругой

/62/ ... Рассказ¹ одного бывшего катаржанина, сосланого на Сахалин за сбыт фальшивой монеты, Лупияна Гурьева [из]² Уницы. В Уницах был двух-рамный лесо-завод лесо промышленника Беляева. Старые рамы пилили очень тихо. Дерево шло 15—17 минут в раме. Лупиян работал на заводе кузнецом. В 1900 гг.³ из Польши и Украины по Карелии было много выслано студентов и рабочих на вольное поселение за бунты. Тутто Лупиян и познакомился с двумя из них. Они делали фальшивые серебряные деньги 15—20—50 копеек. А Лупиян эти деньги сбывал по немногу по шинкам и лавочкам. Так продолжалось больше года. Однажды в праздник Покров 1-го октября на Викшеозере, и вот Лупиян, изрядно выпивши, что то с мужиками не поладил и в споре похвастал: «Можно мне пить, у меня хватит». И, выняв кисет с деньгами, стукнул об стол. Мешочик то его прорвался, и оттуда вывалилось несколько сломанных монет. Тут мужики ахнули: «Вот так деньги у Лупияна». И кто-то из мужиков /63/ донес уряднику. Явился урядник с понатыми, отобрали кисет у Лупиана и убедились, что деньги потдельные. Лупияна посадили в кутузку, так называемую в «холодную»⁴. На следствии Лупиян выдал и тех людей, что давали ему деньги для сбыта. Но они, предупрежденные, что Лупиян попался, во время скрылись. Суд присудил Лупияна как соучасника в потделке фальшивой монеты. И был осужден пожизненно на катарожные работы, сослан на остров Сахалин. В 1904 г., когда началась война с Японией, многим катаржанам было предложено идти на Войну. И если по окончании войны останется жив, отпустят на волю. Так в 1907 г. Лупиян попал на волю, приехал домой в Уницы.

Бывало, вечерами соберется вокруг его мужики, а особенно старые и малые: «Ну, расскажи, Лупиян, как там живут на Сахалине, и вообще в Сибири». Вот он и начнет рассказы про охоту, да как он охотился, предупреждая: «Только чур: не перечит⁵ и не мешать⁶ мне».

«Вот, бывало, я жил в одном селе, а за 200 шогов от села была уже тайга не проходимая. Зверья там какого только нет: медведи, волки, рассомахи изредка были львы и тигры. /64/ Вот,

¹ Здесь и далее ошибки не исправляются.

² Здесь и далее пропущенные предлоги, если это необходимо для правильного понимания текста, восполнены в квадратных скобках.

³ Здесь и далее обозначения лет передаются в сокращенном виде: г. (год, года), гг. (годы, годов); при отсутствии восполнено в квадратных скобках: г., гг.

⁴ Так в рукописи: в кавычках.

⁵ Так в рукописи: без мягкого знака.

⁶ Так в рукописи: с мягким знаком.

бывало, оружейко занаряжу и возьму с собой припасов, пуль да пороху, да собачку, которую звали «скоболь»¹. А местность такая была холмистая, горная. Только в гору подымешься, опять спуск под гору». Поговорка у него был[а]: «ети-е-не наблядь». «И вот, как подымаюсь в первую горку, смотрю, ети-е-ни наблядь, на верх: медведь сидит. Я, обыкновенно, спокойно присяду на колено, прицилиуса², раз, медведь пау. Прихожу к нему поглядеть на медведя куда попало. Нигде пули нет». Тут сразу слушавшие его с вопросом: «Какже, дядя Лупиян? Нигде пули нет, а медведь мертвый». Он сразу готов с ответом: «Эх, несоображаете вы. Сами вы посудите: оружейко было большедыро, с фунта свинцю выходило дви пули. А каждая пуля!³ два с половиной фунта. Мимо уха пролетит — всё равно смерть». Но слушателю перечить нельзя, предупрежден раньше, чтоб не перечить.

«Вот один раз я возвращался с охоты. А скпись такая была после дожжыка, шол я подгорку. И вот, етие—ни наблядь, скользнулся и пау. А оружейко попало сволом то на камешок, а я коленом то на свою, ну, свою-то и согнууса. Эх, думаю, етие-не наблядь, пропало оружейко. /65/ Домой пришол, ни начто глядеть не могу. Тут мни сусёд посоветовал, што рядом в деревне есь хароший кузьнец, оружья умеет править, Вот я и пошол к этому кузьнецу.

Прихожу в кузьню, смотрю — кузьнец с большой бородой, видно, староввер, а молотобоець молодой стоит, и кувалда унего в руках три⁴ пуда. Я подаю в руки кузьнецу оружейко и говорю:

— «Вот беда, пропало оружейко». Кузьнец взяу оружейко, повертел в руках и говорит:

— «Да! Хорошее было оружейко. Но ладно, не горюй. Не такие мы еще с сыном правили оружья». Вот, кузьнец повертеу, повертеу оружейко, клау на наковалью и говорит молотобойцю:

— «А нука, вдарь разок». Молотобоець и вдариу.

— «А ну, еще разок». И еще разок вдариу. Кузьнец повертеу свою в руках, клау на наковальню и говорит:

— «А теперь слегка разок вдарь». Молотобоець вдариу слегка. Потом кузьнец прутым залезным ширнул раз поудисятка в свою, подау мне оружейко и говорит:

— «На, иди и стреляй. Хорошо было оружейко, аще лучше стало».

Но мне всё не верится, надо всетаки спробовать в цель раньше, чем идти на звиря. Вот, я вышел за деревню, смотрю — большое гумно стоит. Я насередке стены головенкой начертил /66/ большой круг, а в сиредке всётаки поставил точку. Занарядиу оружейко, клау рюмку пороху, забил пулю и отошол шагов на двести, прицилиуса с колена, и стрилиу. Поставил оружейко и пошол поглядеть куда попало. И думаю, попалли хоть в стену гумна. И вот смотрю — в очерченном кругу нету пули. Я в право по стенке искать — нету, в лево искать — нету. Ну, думаю, пропало оружейко, и в стену гумна не попал. Так и пау духом. Потом спомниу, а я веть не поглядел в кругето в точку, что на сиредке была головенкой намазана. Подошол, как гляну в точку, так пуля в самой сиредке точки. Ну, думаю, нет, этому верить нельзя, это просто нашавелось. Случайно пуля попала в точку. Ну, штоже, дай, думаю, спробую аще раз. На другой раз положил полтары рюмки пороху, забил пулю, и отошол на 300 шагов. Прицилиуса — рас. Поставил оружье, пошол посмотреть где пуля. Пули во всей стене не нашол. Думаю, вот, значит, пропало оружейко, первый—то раз, верно, случайно попау, нашавелось так.

¹ Так в рукописи: в кавычках.

² Здесь и далее текст передаётся так, как в рукописи: со всеми особенностями произношения, зафиксированными автором.

³ Здесь и далее восклицательные знаки оставлены в соответствии с авторским текстом.

⁴ Здесь и далее числительные до десяти передаются словами.

Потом думаю, а чем черт не шутит, нетли в середке другой пули. Как топором раскопал, так и ахнул — и вторая пуля тамже. Значит, попау пуля в пулю. Славное было оружейко.

/67/ Там в лесу есть такие дубы, что на дубах целые деревни построены на сучьях. Вот, однажды нас послали двоих на пары коней спилить дуб на дрова и привести целым бревном. Мы поехали за дубом с кузнецём. А кузнец был такой здоровый, что десять пудов камень бросал через сарай. И когда мы спили[ли] дуб, то после нас десять пар хоровод ходил на пне этого дуба. Вот какой толстый дуб. И вот, мы навалили дуб — в вершинке, где отрубили, было аршина два или два с половиной, а длина бревна была 40 аршин. Ну, конечно, кони были битюки здоровенные. Нога была в копыте такая, как у большого слона. Где, бывало, в мягком месте ступит, получается яма такая, что когда залъется водой след, то можно было воду ведерком черпать.

Вот, когда мы дуб навалили, лошадок тронули и поехали. Всё ехали так с версту, была дарога ровная. Вдруг подошел маленькой крежик. В один кое как подняли. Тут сразу же другой крежик. Тутто наши лошадки и встали. Думаем, пусть отдохнут. Ну, как они постояли, а потом никак немогли взять с места. Тогда кузнец распр[я]г¹ лошадок, стау сам в оглобли, шевельнул /68/ на бок, на другой, крякнул, и вытянул дровни с дубом в горку. Потом подошел к лошадям, погладил их по голове и говорит:

— «Да гдеж вам, родные, было взять, коли я одва вытянул». Вот, тут судите сами какой был кузнец силой».

В Уницах его постоянным слушателем и на побегушках был Гриша Трофимов. Ему было годов восемь. Лупиян знал, что у Трофимовых выращивают много луку. Вот, както в начале осени он говорит Гришухе: — «Гришуха, у вашего дому кажно утро на задворках следы зайцев. Хош, я тебя научу, как ловить зайцев?» Ну, Гришуха с радостью соглашается. Лупиян и говорит ему:

— «Вот, вечерком, как чуть стемнитца, возми корзинку луку хорошаго, и не мелкого, а среднего, так фунтов десять, и окуратни[н]ько, где есть заячы следы, и рассыпь этот лук, да чтоб был он точно на тропке следов. Обратно тойже дарогой не ходи, заяц учует, а обойди кругом. Когда это сделаеш, приди и скажи мне. Тут мы еще подколдуем. А лук этот так на зайцев дейсьвует: как он поес[t]² луку, слезы потекут у него, он тут и ляжет. А утром, /69/ только свет, бери мешок побольше, иди и собирай их. Они буду спать как хмельные от луку и ничего не видеть».

Лук обычно в деревнях хранят в сетках, на печке подвешен. Вот, еще светло, а Гришуха уже забрался на печь, ждет не дождется, какбы вывернулась, ушла мать. Мать кудато вышла, и корзинка луку моментально была насыпана, и укрыто всё тряпицей. Теперь вопрос — как вынести лук и[з] дому. Гришуха ждет. Пришли сумерки. Мать зажгла лучину и пошла доить корову. В это время Гришуха шаст с печи, на ноги — батькины старые валенки, кафтанишко — и на улицу. Забежал на задворки. Около ольхового леска тропинки у зайцев натоптаны. Вот, и давай он по три — пять луковин остарожно метра через два — три раскладывать лук. Ну, лук разложен, корзинка незаметно спрятана на сарае. И он бегом к дяди Лупияну. Прибежал в попыхах, говарит на ухо Лупияну:

— «Ну, дядюшка, лук я разложил!» Лупиян говорит:

¹ Здесь и далее пропущенные в середине слов буквы, необходимые для правильного понимания смысла, восполнены в квадратных скобках.

² Здесь и далее пропущенные на конце слов буквы, необходимые для правильного понимания смысла, восполнены в квадратных скобках.

— Ну, вот и хорошо, а многоли луку то?

— Да фунтов десять будет.

— Ну, хорошо, значит, завтра утром чуть свет бери мешок и иди собирай зайцов. Да чтобы никто не видел как пойдеш. /70/ А я тут поворожу маленько».

Ну, конец ясен: Лупиян немного погодя сходил, собрал лук и домой. Утром ни свет, ни заря Гришуха с мешком за зайцами. Глядь: нет ни луку, ни зайцов. Он — с горя — к дяде Лупияну:

— «Вот, беда, — говорит, — нет ни луку, ни зайцов. Чтоже делат, дядя Лупиян?» Дядя Лупиян с удивлением:

— «Ах, беда, ах, беда, Гришуха! Я видел, что зайцы уш падали, но их было очень много, зайцов то, поэтому им и по луковине не досталось. Гришуха, надо побольше рассыпать луку». Но Гришуху постигла неудача. Как то мать прознала про его проделку. И такая хорошая была дана Гришухе трепка, что он закаялся ловить зайцев.

Стех пор прошло много лет. И вот, в 1932 г. я был уже бригадиром электриков на бум машине. А Гришуха тогда был корреспондентом газеты. Они приехали из редакции газеты человек пять, идут по бум залу, а я ему навстречу. Ну, он как чиновник, с портфелем. Узнали друг друга:

— «Здравствуй, Григорий Ефимович!» Минуту — другую поболтали о том, о сём. Ну, тут я ему напомнил:

— «Как, Гриша, зайцев тепер не ловишь по совету Лупияна». Ну, посмеялись в доволь.

/71/ Тепер опишу своё коротенькое детство, прожитое в деревне. Помнить кое что я стал с 1904 г., когда мне было шестой год. Начало Японской войны. Нас тогда была неразлучная тройка. Брат Александр, Иван Сысоевич и я. Учились в школе вместе с Александром, хотя он старше меня на два года. Иван Сысоевич пошел учиться позже на два года, и учился всего два года, а я три года, и акончил в 1908 г.

Семья наша была большая. Отец занимался крестьянством, а хлеба своего хватало до новаго года. И втоже время отец был старостой по приходу, получал восемь рублей¹ в месяц. Но дома порядок был такой, что если за столом чужие люди, то никто из ребят не подойдет к столу, не попросит чегонибудь.

Вот, однажды зимой сидим с Александром на печи. Приехал гость

¹ Здесь и далее сокращение руб. раскрыто при подготовке публикации; также раскрыты: км, кг (кгр), см (с/м), мм (м/м) и т/е.

с Космозера. Он ежегодно ездил в Шайдому к празднику, так как старуха у него была из Шайдомы. Прозвище ему было «космозерский весельчак». Вот, гости садятся за стол. На столе крендели, алады. Сашка и шепчет мне:

— «Юшка, вопи: «Кренделя дают!» Но я знал — только завопи, так от матушки остоубуху¹ получиш. Так сказал ему:

— «Вопи ко сам. Ято не буду».

/72/ Однажды мы все трое сидим у ступеней, уже картошка посеена, репные ямы сбавлены, и мы гдето по ямам нашли репы штук 30, и сидим, едим репу. Подходит Матрена Амосовна Куткостровская:

— «Робятка, дайте репинку другу». Мы говорим:

— «Нет, не дадим, найди ко сама». Она тогда оглянулась туда сюда, да как ахнет:

— «Ой, бяда, хапоньци идут». (Тогда шла война с Японией.)² Мы как вскочили да в бег. А куда прятаться от японцев — в репну яму. Ну, а бабке того и надо. Забрала репу и ушла. Мы с ямы то как вернулись, репки то уж нету, местечко знать.

Соседом по дому был дом (Бариноской — прозвище) Кирикова Ивана Яковлева. У него была бабка Маланья Кузмична³. Все нас гоняла да жаловалась матери, што мы ихних ребят колотим. Она всегда сидела у окна и смотрела через желтоватое стекло на улицу. Так мы что умудрялись. Утром — еще вся деревня спит, — а мы растворим глины и густом слоем замажем её окошко. Ну, конечно, знали, что замазываем мы, но не могли ни разу поймать. Как окно отмоют, то мы днем, когда взрослые на работе, /73/ мы по жерди влезем к окну и замажем её окно глиной, и в бег. И так продолжается всё лето.

Обычно весной, только кое где начнут проталины, а в Коткушке, в нашем остожье раньше всех растает, а нинизина⁴ — в углу было болотце, и оно уже полное воды. А на дорогах еще снег. Так в конце марта — в начале апреля. Вот, мы сидим, сидим на печи и рассуждаем: «Побежим, давайте, купаться в Коткушку, в остожь». И вот, по деревне по снегу босой, что есть мочи, несемся купаться. Одеты точивные пор[т]ки с короткой опушкой, с одной жестяной, а то и медной пуговицей, и точивная рубаха до пупа. В остожье выкупаемся, и што нога заберет, взад — домой и на печь.

Весной обычно бабы как наткут точива, и вот, по льду и по сугробам расстилают точиво белится. Так мы что делали. Где снег растаял, потопчемся (в тяпке) в грязи, и бегом по точиву. На[м] нравилось, что на точиве остается след. Да еще и меряем — кто бежал по какому точиву, у кого больше шаг, нога от ноги след — тот и бежал быстрее. Бежали босиком.⁵

/74/ Както осенью, ну, около конца августа, когда выжнут овес и вешают овес в зароды для просушки и дозревания, против нашего дома со стороны северной было много зародов. Однажды мы трое набросали на землю снопов и давай палками молотить. Овес, оказалось, был «Начита» — Василия Васильевича Елизарова. Прозвище «Начит» потому, что у него к каждому слову было «начит-топерчу». И как на грех он шол с поля и застал нас за этой молотьбой:

¹ Так в рукописи.

² Здесь и далее сохранены все случаи авторского употребления круглых скобок.

³ Здесь и далее личные имена, отчества и фамилии передаются в точном соответствии с оригиналом

⁴ Так в рукописи

⁵ <Бежали босиком> добавлено позднее на нижнем поле листа.

Коткушка

— «Вы што это подлецы, начит-топерчу, делаете. А? Я вот сичас позову отца». Ну, мы, конечно, в бег. Да куда — а домой — на сарай забрались, поднялись на нары, где были кубачья соломы. Вот, в солому и запрятались, и лежим, ни звука. Начит пожаловался отцу. Они посмотрели на снопы, и Начит говорит:

— «Они, подлецы, убежали на сарай». И вот они ходят по сараю, ищут нас. Была бы нам хорошая баня, но мы не показали себя ни как. Боясь придти домой, мы пролежали в соломе до утра следующего дня. И только слышим, что из дому ушли на работу все, мы слезли с нар. И тут еще случилась Беда. Как только опустились на сарай, Иван Сысоев крикнул, чтоб напугать /75/ нас:

— «Ой, жиравик в углу». И бросился бежать в другой угол сарая. А в том углу была дыра, в которую бросали в ясла сено для лошади. И вот, Иван Сысоев с ходу и убрался в эту дыру, и улетел в низ в ясла. Сильно, конечно, ушибся и сломал зуб на переди. И вот с ревом Сысоева нас тут обнаружила мать. Но момен[т]то сердитый уже прошол. И наоборот, она нас не отколотила, а еще напоила чаем, дала простокиши со сметаной. Сысоева она желела, так как он был сирота. Так и прошла ненаказано эта наша проказа.

После этого случая у нас зародилась мысль, хорошо бы иметь на острове свою избу, убежалбы туда и живи, никто не найдет. И вот, было выбрано место, очень густой сосняк. У нашей поляны в против Мелойгубы густо росло сосен молодняка и много огромных сосен, на которых вороны вили свои гнезда. Забрали пилу, два топора, лопату, и началось строительство. Была вырыта яма три аршина на три аршина, глубиной на один аршин. И вот над ямой начали рубить сруб. Пилили сосонки в диаметре 10—15 сантиметров. И сруб ставили на мох, как полагается. И так сверх ямы вырос сруб в 15 рядов, /76/ чего было вполне достаточно. Место для входа было предусмотрено с западной стороны. Началось крытие крыши. Крыша был крыта «лава-сом»¹ с уклоном на север. Часто были насланы мелкие окоренные жердочки, вплотную друг к другу. Сверху рядами уложен нарезанный дёрн. Сверху дерна — бересто, а на бересто выслано

¹ Так в рукописи: в кавычках.

хвоя. Хвоя укреплялась насланными колышками вдоль. Дверь была сделана, и сложена в углу избы каменка: для которой было сделано еще углубление в земле, и сверху хорошо обмазано глиной. Дым выходил выше двери — была оставлена щель на четверть, которая после топки печи закрывалась наглухо. Около стенок были устроены нары на сошках и засланы хвоей.

Завелась у нас и посуда: чугуный котел с проволочной дугой и отломаным боком, медный чайник с наполовину отгоревшим носом и погоревшими краями, железные кружки, и три деревянных писаных ложки, и деревянная писаная чашка для хлебания ухи и молока. Хлеба, соли, луку, картошки принесем, а насчет рыбы горевать не надо: в песку наудим моментально.

О существовании нашей избы долго никто не знал. Мы держали в секрете. Да и случайно наткнутся на её ребята не могли, так как тут рядом /77/ небыло ни грибов, ни воронины. Да и лес был слишком густой, мелкий, еле проходим. Жили в этой избе, дня по три — по четыре не появляясь домой. Ну, да небыло онас и беспокоились. Что нет ребят дома, ну и слава богу, хоть не шавят¹. Лишнего шуму нету.

На острове мы себя чувствовали хозяевами, бегали в одних по колено портах, да и те иногда прятали под вершину. Бывало как гдето около Ужной увидим зайца, ну и пош[л]и его гонять. Раза три обгоним по всему острову, но нас трое, куда он не кинется там нанего лет[и]т кто-то с палкой. И раз обогнав без передышки вдоль и в поперек остров, заяц изнемог и под вершиной залег. А Иван Сысоев точно видел куда он заскочил, подк[р]ался к вершине, а он лежит и ходит со вздохом. Иван хлоп его палкой, убил зайца. Вот тут был у нас устроен пир. Зайца выснимали и сварили в избе с картошкой, с луком.

Так в этой избе мы провели три лета, после чего я уехал в Питер. На острове разоряли всё гнезда вороньи, сорочьи, дроздовы. Гдебы вы[со]ко оно небыло сделано, только увидим, значит, наше.

Однажды были сердиты на учительницу, что строго нас держала на уроках. И вот, в субботу намыты сени коридора в школе. /78/ Мы незаметно пробрались в коридор и десятка полтора бросили я[и]ц в стенки. И убежали незамеченными. Было дела учительнице отмывать пол и стены после такого погрома.

Бывало и так, что нам с Александром попадало изрядно от сестры Паши. Мы придем с острова, наберем воронины по коробочке и запрячем в конопель (за двором у нас росла большая конопель), придем к крыльцу, а девки уже более менее взрослые, годов до 15, сидят и играют в камешки на плите перед ступенями. Как только придем, они сразу:

— «Принесли ли воронины?» Тут и скажешь:

— «Есь, да не провашу чесь». Так веть черт знает, Паша точно нюхом чуела, найдет наши ягоды, хот[ь] к черту спрячь. У сестры Паши были длинные густые волосы, мы в споре звали её (куча лесовая). И вот как обнаружим пропажу ягод, сразу налет на её:

— «Ты, куча лесовая, съела ягоды?» Двое то и давай её трепать за волосы. Ну, а потом, как она нас по одиночке поимает, то до того нашишкает, што больше прибавить ненадо. Ну, сестра Анна увидит, что она нас лупит, захватит её, подержит, тогда уж мы её тоже за волосы поволочим досыта.

/79/ Был случай доволь страшный для меня. Мне было шесть лет. Зимой в Сборное воскресенье (это первое воскресенье Великого поста) в Шунье собиралась ярмарка. Преимущественно цыгане меняли[сь] лошадьми. Отец с матерью уехали на ярмарку. Ну, тогда дома без них (садом и гамора). И както до того до дрались на печи, что я улетел с прилавка на пол, слома-

¹

Так в рукописи.

лось два зуба, и насквозь прокусил язык. И сичас так сросся язык, что заплата видно. Вот, язык они мне завязали тряпицей, но крови-то полон рот, рот тоже мыли водой. И веть, черт ее знает, как то быстро всё зажило. Хотя досталось сестрам Анны и Паши от отца и от матери.

На следующий год о Рождестве мы с Александром на славили Христа [на] 28 копеек. И говорим отцу: «Поедеш на ярмарку в Шуньгу в Крещение купит нам чертовой кожи на штаны». Ну, на ярмарку поезжать надо чтото бы и самому вести. И вот отец вздума[л] убить кота. Был большой старый черный кот. За хорошаго, особенно черного, кота давали 15 копеек. И произошло это ранним утром. Отец взял кота и вышел на северную сторону дома. /80/ Там стоял козел, на котором пилят дрова. Дескать, ударю об козел головой, а потом выснимаю, и за неделю то и шкура подсохнет. Отец был набожный, всё делал благословясь. Принес в охапке кота, погладил, потом подошел к козлу, взял кота заног за задние (ну, господи—благослови), замахнулся, занеся руку на зад, чтоб с размаху ударить об козел кота головой, но произошло совершенно другое. Кот, почуя беду как его закинули через плечо, он изогнулся и цепко ухватился когтями передними за ватные штаны отца. Отец, не ожидая ничего плохого, как руку-то дернет с котом, тем самым поднял свою ногу с силой и, никак не устояв на одной ноге, сам об козел головой и грохнул. И, конечно, от[п]устил задние ноги кота. Кот со страху как дал деру и три недели не приходил домой. Так деду и непришлось свести на ярмарку пушнину.

Лошаденки у [о]тца всег[д]а были худые, старые, карми[ть] то нечем. И почти ежегодно он менял с цыганами. И вот в это Крещение он поехал в Шуньгу стем, чтобы /81/ сменять старую кобыленку. Но веть, как извесно, как с цыганом не меняй, обезательно ему посеребри руку — хоть сколько-нибудь, но придачи дай. Хотя его лошаденка и хуже. Вот как проходила эт[а] мена. Вместе с отцом был уехадши и Алексанра, чтоб на 28 копеек купить на штаны нам. Приехавшие на ярмарку обычно около трактира привязывают к забору лошадей. И тут происходит торг и мена.

Вообразите, стоит запряжена лошадь, а на спине у нее галки рвут шерсть себе на гнезда. А лошадка не шевельнется. Значит, уж хорош рысак: ей даже это нравится, повидимости, что галки чешут её спину. И вот стоит бедная, отвесив от удовольствия нижнюю губу, и точит слюни на снег, да и сонцем пригрело. И тогда говорят, что на кобылу (Лазарь-сел).

И вот начинается мена. Цыган осмотрел деда кобылу и говорит:

— «Ху, дет, у тебя это не лошадь (а одер), глянько ты на мою! Тут, брат, коршун, а не кобыла». Которую кобылу предлагал цыган, тоже стояла привязана к забору, широко расставив ноги, чтоб не упасть, опустив понуро голову, отвесив нижнюю губу, точила слюни на снег. /82/ Но как только подошел ближе цыган, и кобыла, заслышав голос цыгана, ожила сразу, затопталась на месте и голову подняла. Ну, словом, приняла бравый вид, хотя она была почти слепая, днем немного видела, а ночью ничего не видела. У кобылы вокруг, где одевалась шлея и где хомут, вовсе не было шерсти, вся шерсть была вытерта.

Александр ходит вокруг кобылы и поглаживает её, говорит отцу:

— «Веть где нет шерсти, можно пришить шубнички: лоскутки со старой овечьей одевольты, и всё будет ладно». Услышав это, цыган и подхватил:

— «Ты гляди, дет, да слушай, веть парень-то правду говорит. Подшейка или подклей на потертые места лоскутки овчинки, так кобыла куда быть казметее будет».

И так били, били по рукам отец с цыганом, не один раз крестились на церков, и всеже отцу пришлось отдать цыг[ан]у в придачу 21 копейку на сороковку из наших наславленных денег, что были бережоны купить нам на штаны чертовой кожи. Так мы опять остались без штанов.

И вот мена сделана, отец на обновке возвращается /83/ домой. И вдруг утром часов в шесть утра крик на губе прот[и]в Мелойгубы:

— «Караул, помогите, тонем!» Это оказалось, наш отец с Александром ехали на новой кобыле, ну, а так как она слепая, сошла с дороги и зашла прямо в матицу, где была пущена мережа мелойгубов под налимов. Скоро подбежали с Мелойгубы мужики и вытащили деду кобылку.

Отец наш, чтоб где то приработать, часто ездил с извозом то в Петрозаводск, то даже в Питер. В Питер ездили больше всего с сигами да с дичью. Ну, от поездки за 20 дней оставалось рублей 15 — это уже хорошая поездка. Сам прокормился, и лошадь прокормил. А также в Питер ездили так называемое «с седоками» — или везли туда ребятишек в мальчики в ученье. За взятого мальчика хозяин платил за привоз десять рублей извозчику. Обычно мальчиков развозили по знакомым купцам, а те всю очередь, если себе ненадо мальчиков, то находили других купцов и сдавали мальчиков на пять лет в ученье.

Дорогой специально даже были постоянные дворы, где в любое время дня и ночи у хозяина постоянного двора можно пообедать, поужинать, напиться чаю и вина. А воз можно было завести во двор, чтоб не украли чего с воза и не повредили собаки.

/84/ В дорогах был заведен порядок: в случае встречи двух обозов едущие порожнем сворачивали с дороги едущим с грузом. Если попадались обозы обоим груженные, тогда меньший по количеству обоз сворачивал с дороги большому обозу. Но друг другу помогали даже обтоптывать снег. Веть никому не хотелось выезжать за дорогу в снег, да и лошаденка по целине не вытянет воза. Иногда с разъездами дело доходило до драки между мужиками, особенно кореляченка когда попадут в стречу.

Однажды был случай. Из Петрозаводска едут семь подвод с грузом и попало на встречу тоже семь подвод с грузом и две порожняком. Вот, встали на дороге, одни не воротят, и другие не воротят с дороги. Спор, шум между кореляками и русскими мужиками. В обозе, где было девять лошадей, на третьем возу спал кяппесельский мужик по прозвищу за высокий рост (Четырник). Проснулся, слышит спор, кореляченка горячатся, семеро погонялками помахивают. Он слушал, слушал спор, а потом, не ругаясь ни чего, встал на колени на возу и кричит корелякам:

— «Будет вам ругаться, воротите, ребята, а то смотрите небылобы худо. Веть я аще на коленках стою...» /85/ Правда, это было внушительно, что, стоя на коленках, он был выше мужика среднего роста. Кореляки видят: беда! На выворачивать. И так свернули с дороги, тихонько проклиная Четырника.

Кокто¹ однажды на постоялом дворе в Кондопоге у Фарукова произошел спор между мужиком из Шунги и цыганом, тоже будучи на ночлеге на постоялом дворе. Мужик выпряг лошадь, свел во двор, а воз с рыбой оставил на улице. И вот, то и дело бегают на улицу посмотреть воз: хотя он и увязан, но собаки могут и разорвать половик. Цыган говорит:

— «Штош ты, дядя, воза не завес во двор. Так теперь и будеш всю ночь бегать квозу. Али навозу спать будеш». Мужик говорит:

— «Завесбы я воз во двор, да у меня лошадь с зарокком. Во двор завезет, а со двора с возом никак не идет, дотога до хлыщу её, что свалится, все оглобли ломает, а воза не тащит. Я даже дома навоз мечу так — дровни на улицы, так на них и ношу навоз. А как запрягеш дровни пустые на дворе, даже пустых дровен не тянет». А уж лошадь-то куда как сильная да сдоровая. Ну, цыган и привязался к нему:

¹ Так в рукописи.

— «Давай, дядя, по четверти водки поспорим, /86/ что твоя лошадь хоть сейчас вывезет все возы со двора, что есть на дворе. Даже так сделаем — по два воза сразу повезет. Вот, в один её запряжом, а второй воз прих[в]атим за оглобли веревками, и твоя лошадь сразу вывезет». Ну, мужики, конечно, беды рады, тут же и им перепадет выпить. Тогда они подбивают мужика:

— «Давай, Максим, спорь по ведру водки». Они знали, что Максима лошадь с зарокотом и воз не повезет со двора. Ну, Максим уже сам накликается цыгана спорить по ведру водки и пить всем, а деньги от обоих отдать в заклад «Фарукову»¹. Так побились, заложили хозяину по шесть рублей с уговором. Если лошадь вывезет воз, значит цыгану возратить шесть рублей, а на Максима деньги поставить вино.

Уговорились мужики срадостью, что предстоит задарма выпивка. Запрягают Максима лошадь в оглобли, что воз стоял на середке двора. Рыбы было на нем 32 пуда да разных при-чандалов пудов пять. Цыган кричит:

— «Первый воз вывожу я». Ну, нате и паршили. Дело было в потьмах вечером. Фонарь чуть светит, повешен на дворе у столба.

/87/ Цыган пришел в избу, взял с печи кота (кот старый здоровый был у Фарукова), погладил сонного кота, положил осторожно в мешок, мешок завязал. Пришел во двор, на спину лошади под шлею положил кота. Кот забеспокоился в мешке, он его погладил.

— «Ну, Максим, открывай ворота да берегись, с дороги вон все, а то лошадь стопчет». Мужики посмеиваются. Вот сейчас лопнули цыгана шесть рублей. А мужикам — чтобы не про-спорил — лишбы пить дармовое вино.

Цыган взял возжи, языком цекнул, лошадь оглянулась на запряжье. Цыган как хлеснет погонялкой по мешку. Кот взревел, да как вцепится всеми лапами в спину лошади. Лошадь, как бешеная, как хватит воз — вмиг на улице. И полной рысью с возом цыган проехал по деревне. Потом заехал во двор, проехал весь двор и выехал в другие ворота опять на улицу. В деревне из под шлеи снял мешок, выпустил кота и снова приехал во двор с возом. После всего, как пробный выезд был сделан, мужики всю ночь пьянствовали за счет Максима. Так после того раза пропал зарок у лошади. Наоборот, как запрягают на дворе, так она вся тря-сется, только прав[ь] куда ехать.

/88/ В годы Японской войны 1904 г. и раньше молодежь всякими образами скрывалась от солдатчины. Прежде были такие случаи. Уходит один или двое в лес, строят там в лесу избушку и живут в лесу, а деревня знает где они скрываются, но никто не докажет. Раза три-четыре в год приедет урядник со стражником искать беглецов, но дома не застанет, и так возвращается ни с чем. Таких беглецов было много, а они, живя в лесу, расчищают лес, делают пожни для покоса, валят нивы, сеют, а домашние убирают. И когда можно, приходят домой и живут дома по месяцу после отъез[д]а урядника, что он вновь приедет только месяца через три. Даже женились и годов через десять возвращались домой, и жили свободно. Их уже не искали и не помнили за давностью времени.

Дорог раньше не было вовсе, кроме одного главного тракта, что шол через Петрозаводск до Повенца. Дорогу из Униц к нам и на Великую Губу сделали в 1906—7 гг. Так что проезд можно было осуществить только верхом на лошади или на волоках. А волоки это делались так?² Одевался на лошадь хомут, шлея, подпрягалось две жердочки, оглобли, и они с заду сколачивались вместе — получалась площадка. На эту площадку и нагружался груз пу[д]ов до де-

¹ Так в рукописи: в кавычках.

² Так в рукописи: с вопросительным знаком.

сяти, а концы этих оглобел (волоклись), тянулись по земле. Отсюда и название /89/ — «волоки». Прожив [в] деревне десять лет, я до приезда в Питер телеги не видал. А также и часов не видал, окромя солнечных часов.

В окресных деревнях кое где скрывавшиеся мужики от солдатчины превращались иногда и в грабителей. Грабили почты и проезжих купчиков с возами, и летом на лодках. Бедняков, правда, не трогали. А некоторых купцов держали под страхом. Пишут, что в такое то место привести то-то и оставить. Если не выполнишь, то лишишься головы, и подпустим красного (петуха). И поэтому купчишка выполняли требование лесных разбойников. Знаменитым в нашей местности был один руководитель шайки по прозвищу «Фямзя»¹.

Вот, однажды одна бабка получила от сына с Питера 15 рублей. И сын писал, что обзаведись коровой на лето, летом я приеду и помогу накосить сена. Дело было около Тивдии. Она однажды собралась с утра по раньше и пошла в деревню Тивдия. Ей указали, что там есть продажных коров кое у кого.

Дорогой лесной «проселочной»² надо было до Тивдии идти верст 14. Около половины пути бабка приустила и села на придорожную валежину отдохнуть, и съесть кусочек хлеба. Бабка увлеклась своим делом и не слышала /90/ и не видела, как из лесу сзади подошел человек, здоровенный, высокаго роста. Вежливо поздоровался с ней и присел рядом. Стал закуривать (козью ножку). За плечами было ружье, и на ремне висело несколько тетеревей убитых. Мужик вежливо завел разговор:

— «Чья ты, куда идешь да зачем?» Бабка была слово-охотлива³, всё подробно рассказала. Тогда мужик говорит:

— «Знал я твоего старика, хороший мужик был. А зачем ты идешь в Тивдию?»

— «Да вот сынок у меня теперь в Питере, прислал денег и просил, чтоб я купила себе корову, веть у меня еще есть ребятишка».

Мужик все её спрашивает про деревню, про мужиков, кто как живет, а бабка (но она еще бабка не бабка, 50 лет), заповертывалась, наговариваясь встать да пойти. А мужик всё уговаривает:

— «Да ты неторопись, тут уж и осталос шесть верст до деревни». Ну, а она своё твердит: пойти надо. А мужик говорит:

— «Да посиди и отдохни». А бабка говарит:

— «Да посиделабы я, да (Рямзи) боюсь».

— «Ну, вот чего ты торопишься-то. А веть Рямзятто я и есть!» Бабка так и ахнула, и закрестилась:

— «Господи Иисусе, господи Иисусе!!» И со страху становицу подмочила. Рямзя говорит ей:

— «Ну, теперь давай говорить на чистоту с тобой. /91/ Сколько у тебя денег, выкладывай». Она подает ему 15 рублей:

— «На, батю[ш]ко, все тут, да еще вот мелуци маленько есь в тряпице, ладила крендельков взять в лавке у Исакова. Возьми всё, только остав мою душеньку на покойние, спусти живую домой». Тогда Рямзя говарит:

— «Вот што, бабка, придешь в деревню, прямо и иди в дом купца Исакова. Вечером, как коров пригонят с лесу, ты и облюбуй себе коровушку. Да выбирай самолучшую корову. А как утром

¹ Так в рукописи: в кавычках.

² Так в рукописи: в кавычках.

³ Так в рукописи.

встанеш, скажи хозяину, что ты хочешь у них купить корову. И укажи какую. Да смотри, денег не плати. А вместо денег вот дай эту записку хозяину». Взял клочек бумаги из кармана, огрызок карандаша и спросил:

— «Как звать то тебя?»

— «Авдотья, (Батюшко)». Рямзя пишет: «Купцу Исакову. Выдать Авдотьи корову, какую она выберет. Денег брать не смей. По уговору со мной будет тебе зачислено как платеж налога. «Рямзя»¹».

— «Ну, а те[пе]рь иди да делай, как я тебе говорю. Завтра пойдешь обратно с каровой, я тебя встречу и проверю. Если у тебя деньги 15 рублей, а мелочь израсходуй на крендели, как ты хотела их купить. Ну, с Богом иди». Авдотья пошла в Тивдию ни жива, ни мертва, всё оглядываясь на зад, а Рямзя сразу ушел в лес.

/92/ Авдотья, придя в деревню и прямо, не с кем ничего не говоря, в дом к Исаковым. Старушку жену Исакова она знала хорошо. Ну, конечно, тут разговоры о том, о сём. И тут только Авдотья сказала, что пришла купить корову, а об Рямзи не слова.

— «Ну, так ты выбирай у нас корову, у нас их веть девять штук». Ну, Авдотья вечером приглядела корову, а сама ничего не говорит о Рямзи. Вечером за ужином хозяин говорит:

— «Ну выбрала ли корову?» А Авдотья говорит:

— «Да утром догляжу». Ну, и легли спать. Авдотьи не спится. Утром чуть свет встала, пошла во двор, а там доили коров, и вот она поглядела, какая корова больше всех выдоила, и тогда говорит Исакову:

— «Вот я выбрала эту каровушку». Ну, купец и говорит:

— «Ладно, но эта каровушка будет стоить 20 рублей». Тогда Авдоть[я] говорит:

— «Да денегто я несмею платить. Веть идя сюда я на Антихриста попала, и он сказал, что тебе вот эту записку отдать велел». Как Исаков прочитал записку, так и сел во дворе, и заохал:

— «Агели—Ангели, да как ты живато осталась, да как же ты домой то пойдешь. Ну, а насчет коровы, то забирай и веди домой». Авдотья взяла связку кренделей (связка раньше была 40 штук и стоила 20 копеек). Вот, Авдотья /93/ взяла карову на вязиво и повела. Прошла до того места, где вчера сидела с Рямзей. Его не оказалось тут. Идет дальше. И на девятой версте встретил её Рямзя:

— «Ну, садись, Авдотья, отдохни». Она присела на пенёк, а уж слёзы на глазах, думает: вот теперь пришел конец.

— «Нука, давай деньги, где они?» Авдотья подала 15 рублей и мелочь. Тогда он говорит:

— «Ну, вот, и хороша вышла у тебя покупка. Корова есь и деньги целы. Ну, а што сказал Исаков, когда дала ты записку?»

— «Да што было ему сказать, веть ты гроза сдешних мест. Он развел руками и говорит: «Выберай любую каровушку и веди с Богом»». Рямзя и говорит:

— «Ну, вот, ты теперь с каровушкой, иди же с Богом». Так Авдотьи удалось купить каровушку.

В этих же деревнях был один мужик. Он немного был глуповат. Но некоторые работы выполнял сознательно — занимался рыбной ловлей, ставил весной (верши) под окуней на лудья,

¹ Так в рукописи: подпись-имя в кавычках.

ставил си[л]ки для глухарей и тетеревов. И правда доставал и рыбу, и дичь. Однажды идет по силкам, и недалеко от берега на бору в силок пала¹ щука фунтов восемь. Он ахнул: «Вот чудо!!»

Потом садится в лодку, едет по вершам, подымает одну из верш, там в верши и рыба, и косачь. /94/ И вот, когда, придя в деревню, он говорил, что перед бедой всё это!

— «Быть большой беде, уж раз в силу попала щука, а в мерду — косачь!»

А того не знал, что это ему подстроил Рямзя — с мерды щуку снял, положил в силок, а с силка косача — в мерду. Правду говорили про него мужики, что все же у него не все были дома. Если он ходил в одних портах, то когда ходил оправляться, то порты спускал. А если одеты порты и штаны домотканые или мешковые, то штаны отстегнет, а в портки наладёт. Не толковал вторых снят. Да были и другие у него замашки. Однажды нанимали его на сенокос, в поденную. Ему говорит мужик?²

— «Вот, Миша, хорошо будешь косить, то тебе буду платить подёнщину — на готовых харчах полтинник (50 копеек)». Тогда Миша говорит мужику!

— «Подика-ты к цёрту. Если будешь платить две былых [ко]пейки по гривеннику, тогда буду косить от темна до темна, а за поутиник небуду тяби косить». И приэтом обращается к присутствующим?³

— «Гляйтето, хрищонушки, дураков нашоу, за поутиник ёму косить пойдуть».

/95/ У многих деревенских мужиков были свои, так-сказать, к слову предисловие. В Уницах был Андрей Еремеевич Минин. У него была поговорка «чесь-чесью». Было однажды в 1928 г. — он повез меня с Униц на Кокорино. А была уже весна, лёд был уже плохой, и ехать надо было по горе, то есть, почтовой дорогой. При выезде из Униц до Кокоринской почтовой километров пять дорога была камень на камне, грязь страшная. Повез он меня на телеге. Конь у него был довольно старый, годов 25—28. Выменян конь был у (Черепанов) — из города Череповца были возчики в лесу. И вот, проедем метров десять, смотри — телега на боку и «чесь-чесью» под телегой в грязи. Потом кое как выкарабкается на телегу, поставим телегу на колёса и дальше едем. Потом видим, больше так ехать не возможно. Оба мы были здорово выпивши. Он говорит:

— «Поедем, племянничек, по льду, там гладко». Я говорю:

— «Лед, дядя, худой». А он мне отвечает:

— «Ну, и чёрт с ним. Вот доедем до вшивой биржи, чесь-чесью, потопим черепанина, чесь-чесью, получим за него пенсию и пропьем, чесь-чесью». (Надо бы сказать — получим страховку за черепанина, а у него вышло — пенсию.)

В Кокорином особенно много было мужиков, которые имели поговорки. Дед Егоров говорил (кох или коть), у Савостьяна было (скит), у Волкова С. Д. (па-яску), у Елизарова В. В. (начит).

/96/ Однажды было в пасхальную заутреннюю службу в часовне в Мелой-губе. После пения и чтения псалмов надо поздравить богомольцев (мол, Христос-воскресе). И вот Совотя старик обращается к богомольцам?⁴

— «Скит, православные, Христос-воскресе». И вот, слышим ответ:

¹ Так в рукописи.

² Так в рукописи: с вопросительным знаком.

³ Так в рукописи: с вопросительным знаком.

⁴ Так в рукописи: с вопросительным знаком.

— «Кох. Воистину-воскресе». Или такой ответ. Волков С. Д. (па-яску) начнет закуривать махорку, а ребята подойдет¹ к нему и просят:

— «Дядя Сеня, дай закурить».

— «Покурить-то можнобы дать, робята, да, па-яску, табак дорогой, заначит (я скажу).

Или Елизаров, будучи холостым, с Машей Романихой Михеевской водил шашни, но чтоб люди не знали. Маша была (Гулящая Девка) и любила выпить. Однажды на дневном игрище она приходит на гумно. Увидав Елизарова В. В. и пьяным голосом, чтоб все слышали, кричит:

— «Василь Василич! Душечка. Вспомни! Как мы стобойто во ржи гуляли». Он со злобой на её:

— «Уйди, прохава, начит-топерчу. Я тебя и знать не знаю, начит-топерчу». По этой поговорке деда и внуков звали (чьи ребята бегут) «начитовские»², или спросят где был — «у начита».

/97/ У Наумова Д. И. была поговорка чуть что (У, кляпотти в рот). Вот, однажды он вез зимой в кибитке Архирея к Карас-озеру в приход. Сидит на козлах, как замахнется кнутом на лошодь и добавляет:

— «У, кляпот-ти³ в рот». Это и раз, и другой. Архирей слушал, слушал и говорит:

— «Нельзя, сын мой, кричать на лошадку, ей прискорбно: а уж если надо понудить, так ты замахнешся и скажи (ну, Бог стобой)». И вот едут дальше. Наумов напутствие Архирея забывает, замахивается кнутом на лошадь:

— «У, кляпотти (вспомнив слова Архирея, меняет тон) Бог с тобой». И получается: «У, кляпот-ти, Бог с тобой».

Деревню Кулмукса зовут жителей звонарями. Почему? Както ожидали приезда Архирея из города в деревню Горку через Кулмуксу. Ну, конечно, Архирея встречали с колокольным звоном. И вот, кулмукшане, ожидая Архирея, посадили на берегу наблюдателя на сосну. Что, как обоз Архирея покажется из Суй-сарскаго⁴ острова на Онеге, чтоб сразу дал знать звонарю в часовню. И вот, показался обоз, из-за острова едет. Наблюдатель скатился с сосны и бегом в часовню. Ну, звонарь сразу звонить во все колокола, трезвонят во всю. Обоз подъезжает на рысях к деревне в кибитках. Оказалось, приехали цыгане. (Вот отсюда и звонари.)

/98/ В Деревне Мелой-губа у часовни, которая существует и по сие время, было кладбище. Хоронили от всех трех деревень. Кладбище обнесено оградой, выложенной из камня, специально привезенного и собранного с окресных полей. Вокруг кладбища и по улочке дорога, ведущая от моста в деревню к часовне, стояли огромные вековые ёлки. Эти елки были видны, когда едешь по озеру из Петрозаводска, за 25 километров. Эти елки спилил В. Ф. Акатов в годы 1918—1919. Тогда было так, что делай, что хочешь, никто ничего не скажет. Видите, якобы эти елки держали тень большую на его поля. И по сие время стоят пни елок. И есть даже валяются обкарзанные стволы деревьев елок.

Когда построена эта часовня, даты стройки нет ни где, и никто не знает. Но в 1905 г. её перекрыли — купола и крышу — довольно хорошим толстым оцинкованным железом, которое выслал из Питера кокоринский купец Харламов Платон Ферапотович. И платил за перекрытие кровельщикам. Так и посичас — 1962 г. — крыша и купола хорошие.

¹ Так в рукописи.

² Так в рукописи: подчеркнуто.

³ Так в рукописи: через дефис.

⁴ Так в рукописи: через дефис.

С Восточной стороны часовни есть, еще сохранился сруб старой часовни. Как можно судить, когда построена эта часовня. Высота сруба была в моей памяти в 1907 г. метра два, сруб квадратный четыре на четыре метра.

/99/ Видно, где была дверь — вход в часовню. Видимо, она заброшена, когда была построена новая часовня, более хорошая и большая. Сколько лет стоит этот сруб? Судить можно по тому, что в середине сруба выросло две березы, одна береза развилистая суковатая, в диаметре в комле около метра. Значит, уже березе лет 200. Она сейчас служит пристанищем для ворон-сорок и галок, которых в летнее время очень много. По всей вероятности, что эта старая церковушка строена до времен Петра I.

Я заметил прирост леса в толщину, но не точно. В 1913 г., когда я приехал из Питера, то около самой дороги у нашей поляны в против Мелойгубы, когда идешь с Кокорина, не доходя поляны, на левой руке стояла сосна, приблизительно в комле сантиметров 35. Я наней сделал топором затес и вырубил на стволе сосны сверху крест, и две буквы печатных «Е-А 1913 г.»

Эта сосна стоит и посичас, но так затянуло эту вырубленную надпись. Даже с боков какбы навернуло тело дерева с корой. Но всеже знаки видно. В диаметре сосна теперь около 75 сантиметров, в росте поднялась немного, так как она суковата. По той же дороге есть еще два затеса, но те уже еле заметны. Они были меньше вырублены.

/100/ Начало моей новой жизни.

В ноябре 1908 г. мне исполнилось десять лет, а брату Александру 12 лет. В январе 1909 г., как уже было заведено, нас отец справил для отправки в Питер. Тогда называли: «отправили в бурлаки». Нам были куплено по валенкам первый раз в жизни. Шугалов, швец карасозерский, сшил по пинжаку на вате из чертовой кожи. Шапки, помню, были большие, с заячим мехом, шапки лезли на глаза. Ростом я был мал. Саша был побольше меня.

Для отвоза в Питер нас взял викшинский Кухаров Николай Васильев. Проезжая Суну, в Яниш-поле случайно встретился брат Михаил. Он работал в Суне на подготовке к сплаву у подрядчика Савкина И. С. И тут он, видя, что у меня шапка лезет на глаза, он дал мне свою шапку, она была барашковая, а главное была по меньше размером. А мою взял себе. Нас ехало четверо всего из деревни — Волков Николай, Наумов Михаил, но Наумов ехал пока к дяди в гости, ему было еще восемь лет. Подъезжая к Питеру, над нами смеялись мужики, что как только приедем на Охту, то там для встречи нас будет выслана сопливая (пулеватая) старуха, карявая, худая, и нас будет всех целовать по десять раз.

/101/ В дороге к Питеру нам встретилось два города: Ладейное-поле и Олонец. Ну, Олонец — это просто большая деревня, даже Шлиссенбург и тот показался лучше Олонца. В первые в жизни я увидел кое где на постоянных дворах часы (ходики) и счеты, на которых хозяин харчевни подсчитывал, что присчитается с мужика за постой — за чай, за сено. Я удивился тому какже это мужик перекидывает (бобки) на счетах, а получают копейки да гривенники.

На десятый день мы приехали за Невскую заставу. И было у нас удивления, когда мы увидели на Шлиссенбургском проспекте паровую конку. И думаем — «вотбы покатаются нам в этих избушках». Около 16 часов дня мы приехали на так называемый Олонецкий вокзал. Это большой постоянный двор на Гончарной улице, дом № 11. На фасаде двухэтажного¹ здания вывеска: «Трактир с крепкими напитками. Чай, обеды, ужин и ночлег».

Во дворе помещалось до сотни подвод под навес с возами. И по всей длине обоза, где он установится, стояли прясла, разделенные для каждой лошади с кормушкой для овса, сена,

¹

В рукописи: 2х этажного.

и общее корыто с водой для поения лошадей. После чаю и завтрака Кухаров ушел к Харламову Платону Ферап[онтовичу] в Александровский рынок, где у него были свои магазины и железные склады. Харламову П. Ф. было письмо от отца /102/ с просьбой, что если себе ненадо мальчиков, то устроилбы куданибудь к знакомым купцам.

Во время отсутствия нашего извозчика Кухарова мы с постоялого двора вышли на улицу посмотреть Питера, но уходить далеко не смели, какбы не заблудится. Но веть тут до Московского вокзала пять домов пройти. И вот, дошли только до угла на Знаменскую площадь, увидали тронваи. Ну, тут удивлению нашему небыло пределов, ни коней, никого ни запрягано, а избушка идет сама. А мужик правит избушкой.

Постояв, мы пошли обратно. И дойдя до постоялого, тойже стороной пошли в другую сторону, в конец Гончарной улицы. В каждом доме трактиры, лавки чайные. И так как тут был Олонецкий (вокзал), то много было лавок, торгующих овсом, сеном и шорными товарами. Читая вывески, меня привлекла одна вывеска, на которой было написано: «Сдесь производится продажа кнутей, шлей, хомутей и гвоздей, и прочих съесных припасов». А грамотный был писака вывески, как после я раскусил суть дела, поживши в Питере. Как говорят, сам на питерячился.

/103/ Часов в пять вечера вернулся Кухаров на постоялый двор, попил чаю, поел, и мы сним попили чаю и ситного по фунту съели. Он выпил еще шкалика и повел нас. Помню, когда шли по Невскому до Гостинного двора, на панелях было сыро, мы в валенках, ноги мокрые, но ничего, идем ходко. Свернули на Садовую улицу и часов в шесть, пол седьмого пришли в склад Харламова в Александровском рынке, во втором пассаже.

Тогда второй пассаж называли «Еврейский пассаж», потому что там большинство торговали евреи женским подержанным платьем с барскаго плеча, антиквары—часовщики—книжники.

Харламов П. Ф. был выше средняго роста, полный, годов 60-ти. Одет был в черное меховое пальто на лисьем меху, бобровая шапка. Руки держал за спиной, а в руках всегда до десятка золотых монет по пять—десять—пятнадцать рублей. И всё время пересыпал их из руки в руку. И получалось, что он скемто говорит, и всё время слышится звон золота. Так он ходил все время, пересыпая золото из руки в руку. Харламов посмотрел на нас, спросил, как которого звать, многоли еще осталось дома ребят, и прилюбилсали Питер. И повел он нас уже без Кухарова к своему зятю Николаю Дмитриевичу Горохову, у которого был магазин /104/ в том же Александровском рынке, № 146.

Это один из богатых магазинов был в рынке, который торговал готовой одеждой. Магазин был трех этажный и занимал три номера. Рынок в пассажах был трех этажный¹. Пасаж шол от Фонтанки до Садовой улицы, паралельно шол Вознесенскому проспекту. Рынок занимал площадь по Садовой до Малкова переулка, Малков переулок до Фонтанки, по Фонтанки до Вознесенскаго проспекта, Вознесенским до Садовой улицы. В середине рынка было три площадки, в то время там назывались (Ирбитка) (от Ирбитской ярмарки). На середине Ирбитки торговали кто чем мог — кто срук, кто на лотке, а кто прямо разложился на каменном полу (Ирбитки). Тут, в этом рынке, чего только нельзя было купить?² (Только, как говорят, нельзя было купить отца с матерью.) Но, проходящий по площадкам Ирбитки, гляди в оба. А то был в руках чемодан и потеряеш. А если зашел в ларек — по краям Ирбитки все было застроено деревянными в полтора этажа ларьками, низенькие как голубятни — если затащили покупателя, и ты купил пиджак, то, когда уплотиш день[ги] и тебе завернут при твоих глазах, то придя домой, то в пакете окажется какой-нибудь фрак без пол и рукавов.

¹ Здесь в рукописи: 3х этажный.

² Так в рукописи: с вопросительным знаком.

/105/ Ну, а если вздумаешь пойти, если помнишь где купил, то бесполезно. Лучше не ходи, тебязе и в участок с городовым направят. Городовые все были подкуплены, а также и окологородные. Им давало взятки правление рынка — на Рождество и Пасху абсолютно всем городовым по десять рублей, окологородным по 25 рублей. Обслуживала рынок Спасская часть — это пожарная, тут же на Садовой улице. Бывало, такие случаи были часты. Идет какойнибудь мужик или парень деревенский, то продавцы, стоя на улице, хватали за рукава:

— «Заходи, земляк! Одежды надо!» Другой кричит:

— «Сапоги надо». Третий тянет к себе:

— «Кровати, рубахи, постели надо, заходи». И вот тянут кто куда. Потом сразу все отпускают. Смотришь — мужик и полетел на землю. А вздумаешь ругаться, тогда тут пропал совсем. Наколотят, в грязи выкатают и к городовому стащат. Были такие случаи и часто.

Гдето обокрали магазин. И вот возом на телеге везут в рынок. Воз увязан, а шпик идет следом — следит. А возили всё ворованое с «холмушей». Так называли дом, где жили одни подонки общества (воры, жулики и проститутки) на Фонтанке у Обуховской площади. И вот, выслеживающий сыщик за помощью обращается к городовому.

/106/ Городовые всегда находились со стороны Фонтанки и Вознесенского, а внутри рынка их нет. Городовой подзывает человека, дает ему команду вызвать из части городских по телефону на задержание воза и оцепить выезды из рынка. Тот знает, что надо делать. Тот дает команду кому следует. Воз моментально исчезает вместе с лошадей и телегой. Лошадь с телегой загнана в какой то магазин, конечно, в котором ничего нет, а товар весь разнесен. Через пять минут прибывает наряд полиции с окологородными, оцепляют ворота рынка, а их было четыре, где можно выехать на лошади, и, обыскав весь рынок, ничего не находят.

В Пассажах, где были магазины, там было более менее по культурнее только в первом Вознесенском пассаже. Но покупателей всё равно зазывали. Продавцы стояли на улице, но уже мазурничали меньше. Только что цены были с запросом. А потому покупатель торговался до упаду, кто, конечно, умел. Мало в каком магазине был, как говорят, свой покупатель. Если кто то купил пальто ли, костюм ли, довольно сходно и хорош[и]й, то он сам когда то придет и товарищу /107/ даст рекомендацию — вот купи в томто магазине.

Нашего хозяина магазин был отменит от других. Дешевых слишком товаров не было. А дешево, значит, и плохо. Но веть умели и дешевый сплавить за дорогой. Например, костюм наглажен, под бортами намылен, стоит, как будто и хороший. А до первого дождя. И брюки после дождя станут коротки, и рукава в пинжаке по локоть, потому что материал шит, а не дегатирован до шитья. И всё сделано на мыле.

А у нашего хозяина Горохова материал отдавали в дегатировку. И шили так, что под борта кландывался волос и холст. Хотя дегатироват материалы было убыточно, но зато в носке одежды уже было хорошо. После дегатировки у каждого аршина убывало пять-шесть сантиметров в длине. (Дегатировка) — это пропускание материала через пар, а потом вольная сушка материала. Разматывался кусок, скажем, драпа или трико на барабан и пропаривался паром.

Часов в восемь вечера мы предстали с братом Александром перед Гороховым. Н. Д. Горохов был выше среднего роста, довольно полный, темно-русые волосы немного вились, густые солидные рыжеватые усы, /108/ которыми он очень часто, приподымая нижней губой верхнюю, усы приподымались в верх. И еще имел привычку дергать губами в право и в лево, а вслед за губами двигались усы. Одет он был — ватное драповое пальто с котиковой шалью и на головы высокая каракулевая шапка. Рядом стояла его жена, дочь Харламова, Лидия

Платоновна. Хозяин ей позвонил, что из деревни Кокорино привезли двух мальчиков и папа просит, чтоб я хоть одного взял к себе, приходи выбрать мальчика. Лидия Платон[овна] была очень стройная красивая женщина с приятным лицом, с большим пучком русых волос. Когда она на что-нибудь смотрела, то всегда голову чуть наклоняла на правое плечо. Одета она была в каракулевое манти, большая котиковая муфта на руках и солидный кожаный редикюль, на голове меховая окуратинья шляпка со шпильками сквозь волосы, и белые как снег фетровые высокие боты.

Вот мы стоим перед хозяином. Харламов П. Ф. говорит:

— «Ну, Коля, выбирай». Потом обращается к дочери Лидии:

— «Лиди! Вет это сынов[ъ]я моего беднаго дружка. Но веть помниш, у меня работал их брат Иван, который прошлый год ушел в солдаты. /109/ Еще весной дома у нас в коридоре играл нам в кадрель на трехрядке?»¹

— «А, помню, помню, это в Тонины именины, чернобровый такой, узколицый, красивый парень был».

— «Он жил в молодцовской унас», — добавляет Харламов. Хозяин, разглядывая нас, говорит Лидии:

— «Лиди, возмем вот этого, что поменьше ростом», указывая на меня.

— «Смотри, как у него глаза бегают». Лидия говорит:

— «Ну, что ж, возмем». Хозяин обращается ко мне:

— «Как тебя зовут». Отвечаю:

— «Егор».

— «Сколько тебе лет».

— «Одиннадцатый пошоу».

— «Говел ли ты». Отвечаю:

— «Лони говеу». Он не понял, что такое (лони).

— «Папаша, а что это такое (лони)». Харламов объясняет:

— «Это значит — говел прошлый год».

И так я остался тут. Хозяин отдал тестю (Харламову) десять рублей для уплаты извозчику за мой привоз. А брата Александра Харламов увел с собой.

Квартира хозяина была недалеко — только перейти через мост Фонтанку — Измайловский проспект дом № 3 кв[артира] 7/23. № 7 занимал хозяин, и шесть комнат. А квартира 23 была соединена специально коридором с кварт[ирой] № 7: четыре комнаты. Кухня была с черного хода в квартиру № 7. И была парадная в кв[артире] № 7. Жило в этой квартире приказчиков семь человек и всё время мальчиков девять-двенадцать человек. И еще портной был, /110/ так называемый «переделочник», дед Андрей, пашахонец. Вслучае надо покупателю в магазине укоротить ли брюки или рукава, то через 20 минут всё готово. Или покупатель оденет новый купленный костюм, а старый попросит погладит или отпарить пятно.

Было заведено у хозяина, что два-три мальчика, прожившие пять лет, выходили в продавцы. Им давался отпуск хоть на полгода. Хозяин его одевал, давал костюм, пальто, шляпу,

¹ Так в рукописи: с вопросительным знаком.

часы, котелок и на выжив 50 рублей деньгами за пять лет. И так шло чередование — старшие уходили, а новых набирали. Всё по знакомству, да больше что сыновей приказчиков.

Прислугой была (кухарка) Парасковья Ивановна Кондрашкина из Кондопоги, толстая маленькая старушка, но бойкая. Лидия ей доверяла. Она закупала все продукты и готовила на хозяев и на всех нас, человек на 20. Да кому же обеды были в две смены, и человек на десять носили для приказчиков обед из трех блюд — в сутках носили. Горничной была Пелогей Петровна Абросимова с Кондопоги, симпатичная девушка годов 18-ти. Детей у хозяина было двое — Вера восьми лет и Василий шести лет.

Младшим мальчикам до работы надо было вычистить обувь для /111/ хозяев и для приказчиков, убрать посуду после чая утром, вымести пол в молодцовской и через полчаса явится в магазин. Там опять в магазине подмести полы в 12 помещениях в трех этажах. Занимал магазин четыре номера. Ну, а потом, после уборки помещений, ежедневно чистка одежды — костюмов, пальто мужских, дамских, детских.

И так, ежедневно, чисткой и уборкой занимались все мальчики. Например, костюмов муж[с]ких всевозможных цветов и размеров было всегда до 700 шт[ук], также пальто всех сезонов — меховых, летних, демисезонных. Словом, товару было ужас много. Никто счету не знал — ни хозяин, ни приказчики. А также мехов всевозможных, материалу всякого кусков до 500, в куске аршин по 70. Также были всевозможные шелка. У хозяина было арендовано хозяев портных человек 20, которые имели свои мастерские и портных человек по 20. Все они шили из нашего материала, а приклад ставили свой.

Приведу один пример. (Портной хозяин Голубев) шил костюм из нашего бастона от 44-го размера до 50 разм[ера] со своим прикладом и пуговицами. Получал с нашего хозяина десять рублей 50 копеек. Костюм шили — борт без строчки, грудь и плечи на волосу, приклад саржа по цвету материала. В рукава, брюки и жилет под низ в полоску клadyвался сатин. /112/ И вот такой костюм из бастона стоил продажная цена 24—26 рублей. Материал был прочный. Такого костюма при ежедневной носке хватало годов на пять-семь. А если купиш костюм за 15—16 рублей, так внем и сразу нет виду, и через год уже на ж.пе¹ и на рукавах дырки. Словом, магазин был богатый. Хозяин был миллионер. Патент был — купец 1-й гильдии.

Опишу биографию семьи Гороховых. Отец хозяина Дмитрий Андреевич Горохов, уроженец Ярославской губер[нии], Рыбинского уезда. В 1869 г. в возрасте 18 лет он приехал в Питер на барже с хлебом, был матросом-водоливом. Но, так как был кремняк, не курил, не пил, то через знакомых купчиков и с их помощью в 1873 г. уже открыл небольшую торговлю в Александровском рынке. Сним вместе ехал водоливом еще парень сосед Николай Мудиков. Тот тоже разжился и открыл лавочку, по бедней торговлю — шляпы, шапки, фуражки. При переезде через Волгу на пароходе Горохов занял у Мудикова четыре копейки, так как своих не было ни гроша, когда ехали поступать на баржу в водоливы. А через четыре года, как видно, стали уже мелкими торговцами.

В 1875 г. Горохов женился в деревне и в 1876 г. уже родился сын Николай, ныне, в момент описания об 1909 г., уже купец 1-й гильдии. /113/ Еще у Д. Горохова были два сына. Василий был, был гусарский офицер, забулдыга, пьяница, отец ему платил еже monthly 150 рублей к зарплате, которую он получал как офицер-поруччик². Будучи холостым, он погиб в 1-ю Германскую войну. Александр окончил Технологический институт, был хорошим инженером, женился на бедной девушке в деревни, жил на свою зарплату, было двое детей — доче-

¹ Так в рукописи.

² Так в рукописи.

ри. Парасковья была замужем за инженером, очень красивая женщина, жили на Петербургской стороне, Гатчинская улица. Елизавета была еще девица, была красива, но ярко рыжая, что огн[ен]но рыжие были волосы.

В 1900 г. старик уже передал всю торговлю сыну Николаю. Сам жил уже в Гатчином. Двое со старухой. В Гатчине имел десять домов, которые сдавал в наем, и в Питере три дома. И до десятка номеров стен в Александровском рынке здавал под торговлю. В 1913 г. его старуха сошла с ума, всё от жадности — всего ей было мало. Сам старик помер скоропостижно в 1917 г., как у него всё отобрали.

Теперь начну о своей жизни в Питере. Через несколько дней все малчишки, и в том числе я, пошли в Усачевские бани — Усачев переулоч, угол Фонтанки.

/114/ Ну, как полагалось, ребята разделись, свое барахло сдали в ящик баньщику, и получив себе номер¹, ушли в баню. Ну, а я, как бывало в деревне, валенки под лавку, а барахлишко оставил на лавке. А как из бани вышел, гляжу — монатки то лежат на лавке, а валенки ушли. Ну, что поделаешь. Пришлось дожидаться в бане, пока ребята сошли домой и Козлов Николай, мальчик, принес свои сапоги, чтоб мне выйти из бани.

Хозяин одевал мальчиков не плохо. Младших одевали [в] курточки со стоячим воротником, брюки на выпуск, летом ботинки, зимой подбрючные мягкие сапоги, так называемые, смазные сапоги, то есть, мягкие голенища убирались под брюки, зимой — короткие тужурки ватные с воротником. А старшим — от службы трех лет — давали тужурки с отложным воротником.

Насчет обуви было поставлено так?² Магазин № 90 купца тверского Богданова, где имелись все возможные сапоги, ботинки и тутже при магазине в подвале ремонтная сапожная мастерская. Стены этого магазина были собственность нашего хозяина. И у них была договоренность, что сколькобы ребята в числе от десяти до 12 чело[век] не носили обуви в год, Богданов /115/ обязан ребят одевать — летом ботинки, зимой сапоги смазные, и чтоб подметки подбивать только раз, и чтоб никаких заплаток сверху не делать, никаких зашиваний, если сверху в ботинке получилось дырка. За это хозяин не брал с него денег за аренду одной лавочки № 88. Поэтому мы старались рвать сапог, ботинок как можно больше. Ветх хочется получить новые ботинки.

Сапожники — большинство — были тверские (киморские). Есть большое село Киморы, где исключительно сапожники и башмачники. Киморские сапоги славились в то время. Выговор у кимряков был особый. Продавцы, стоя в пассаже, зазывали покупателей так:

— «Тиморсти, споди, старь — новы, споди, пожалуйста, споди, сопожти, голошти, стар-новы, споди». (Споди — значит сапоги.)³

Однажды приходит мужчина, приносит в ремонт ботинки — подбить подметки и набойки. Заходит в подвальчик, сидят три сапожника и два мальчика ученика (тимряти).

— «Можно подбить подметки?», — обращается пришедший.

— «От чего нельзя, мошно», — отвечает сапожник. /116/

— «А долго это пройдет?»

¹ В рукописи: №.

² Так в рукописи: с вопросительным знаком.

³ Так в рукописи: пояснение слова <споди> как «сапоги». Вероятно, имелось в виду «господа».

— «Недолго», — говорит сапожник, — «походите по (Ербитке)¹ минут 20 и будет готово».

— «А сколько будет стоить подметки и набойки?»

— «Нядорого, три гривенника».

Пришедший отдает мастеру ботинки. Ну, мастера эти были мошенники высшей марки. Ментально подбивают лубковые набойки, они у них уже всегда нарезаны. (Лубок — вид картона.) После чего ваксой начистят, и готово. Через полчаса является заказчик.

— «Ну, как, готовы ботинки?»

— «Готовы, готовы», — отвечает сапожник. Заказчик берет ботинки, снимает сандали, одевает ботинки. Доволен — ботинки начищены. Обращается к сапожникам:

— «Ну, получите деньги, кто у вас тут хозяин?» Сапожник говорит:

— «Та мы тут вси хозяева: он хозяин, я хозяин — та мы вси хозяева».

Получил сапожник 30 копеек, человек ушел. Что на грех на улице был дождик. Человек прошел по рынку да по улице прошел квартала два. Ну, ясно — дождь! Подметки размокли и отвалились, носы шлепают по панели. И вот разгорячился мужик, ходом обратно к сапожникам, думает — сичас подыму скандал и стащу с городского сапожника в участок. Но нетут-то было.

/117/ Пока он шол до сапожников унего подметки и набойки со всем отпали, он даже не заметил в горечях где! Как пришол, сразу набросился на сапожника, который получал деньги:

— «Кто тут у вас хозяин?». Мужик отвечает:

— «Я не хозяин».

— «А кто же? Ты хозяин?» — обращается к другому сапожнику.

— «И я не хозяин».

— «А кто же хозяин?»

— «Та у нас нет хозяина».

— «Какже, подлецы, вы подбили подметки к ботинкам, как через полчаса они отпали? Я вот сичас позову городского и вас подлецов в участок стащу». И убежал за городовой.

Сапожники смекнули, что подметки-то уже отпали и потеряны. Та мы его и знать не знаем и не выдывали его. (Договорились.) Является заказчик с городовой. Городовой говорит:

— «Ну, в чем тут у вас дело?» Сапожник говорит:

— «А, дурак пристаёт, ваше Благородие, сведите его в участок, на чесных людей поклеп возводит. Мы его и в глаза не видали». (А он лепечет, што (подмётки, набойки, набойки, подметки).

— «Та никаких у него и подметок-то нету и небыло на его опорках. Да мы его впервые видим». Ну, чем докажеш. (Да, кстати, и городской всё равно ничего бы не сделал, он же у хозяина куплен.)

/118/ Кимряки были такие сапожники, что пусь сапоги или ботинки дыра на дыре, но так они искусно заш[е]ют и загладят да замажут, что ничего не увидиш. Даже приведу такой пример. Вообразите себе — сидит мальчишка сапожник на своей липке, на правило одето

¹ Так в рукописи. Ср. выше: Ирбитка.

голенище, потягом притянута. (Тачает голенище), значит, шьет двумя концами дратвой голенище. Шилом проколет, щетинку сунет со стороны и с другой дёрнет тихонько, а второй раз размахнёт на все руки. И вот однажды, протачивая голенище, как выбросит дратву вправо и влево. А дратва грубая. Как заведет щетинки, дернет сначала тихонько, чтоб протянуть щетину. А потом в конце дратвы получается петля. Рядом бегал котенок, все играл с дратвой. И как получилась петля, котенок и заскочил в петлю. Ну, тут как парнишка дернет дратву, так котенка и подхватил к голенищу. Парнишка испугался, котенок уже мертв. И кричит худым матом хозяину:

— «Хозяин, ой, хозяин, котяшка в засташку попау». Хозяин, неразобрав дела, отвечает!

— «Ничего, при заделке загладится...». (Ну, уж могли на голенище котенка загладить, то это были мастера на все руки.)

/119/ Был со мной один такой случай. У хозяина собирали гостей, какойто бал предвиделся. И вот хозяйка написала записку, что нужно купит в магазине брат¹ Елисеева на Невском — исключительно одни вина, и деньги 200 рублей. Я подал приказчику в магазине братьев Елисеевых записку, что нужно упаковать в корзинку. И через 15 минут корзинка была наполнена бутылками, перевязана, переложена стружкой пробки. Я уплатил 185 рублей. Взял корзинку на плечо и отправился домой на Измайловский. И вот пришел уже на Измайловский мост. Правда, сильно устал, пот с меня уже лил. А на улице моросил дождик, было скользко. На мосту с подскользнулся и упал. И корзина тоже хлопнулась об панель. Вот и потекло с корзины разно-цветная жидкость. Я со слезами поднял корзину на плечо и снова пошел до дому, какихто 200 метров. Иду, на меня течет из корзины каньяки-ликеры. Ну, пришел в кухню домой с ревом. Тетя Паша, кухарка, вызвала сразу Лидию (хозяйку). Та, увидев меня, что весь облит вином и плачу, она нетолько меня отругала, а даже взяла к себе в комнаты, велела вымыться в ванной, одется в праздничную одежду. Горничную заставила выстирать моё барахло. Дала снова записку и 200 рублей деньги. И обратно велела ехать на извозчике. А кухарку и горничную предупредила, чтоб ничуть не говорить хозяину.

/120/ Вторую корзинку я уже доставил благополучно. В первой корзинке осталось целых бутылок только шесть шт[ук] из 20. Но об этом так хозяин и не узнал, а то было бы мне трепка. Хозяйка меня очень желела и любила, видимо, как земляка по отцу, хотя в деревне она была летом один раз — неделю у Ха[р]ламовых.

У хозяина был еще такой заведен порядок. Приказчики, живущие на нашей квартире, после работы в восемь-девять часов вечера должны быть дома. В воскресенье они имели право уходить, но чтоб в десять часов вечера все были дома. Сам приходил и проверял. Мальчишкам в воскресенье разрешалось гулять до восьми вечера летом и до пяти ч[асов] вечера зимой, уходить с обеда.

Для ребят и приказчиков было куплено много музыкальных инструментов. Кто наче хотел играть, тот на том и учился. Было куплено две гармони трехрядки, три гитары, три мандолины, пять балалаек, два пикало, бубен, трензель. Словом, можно было составить оркестр. Молодых обучали играть старшие. И, надо сказать, что все играли, кто на чём. Когда собирались гости у него, тогда он всегда на часок созывал всех играющих к себе в гостинную. И тут оркестр выполнял русские народные песни, ранее хорошо раз[у]чен[н]ые. А по окончании концерта по возрасту /121/ угощал — приказчикам давал по стакану коньяку, а мальчишкам лимонад и мармелад.

¹ Слово вставлено позднее на левом поле листа.

*Petrozavodsk State University,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign History, Political Science and International Relations,
Head of the Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia,
Associate Professor of Russian History at the University of Eastern Finland (Joensuu Campus),
Candidate of sciences (PhD) in History

** Petrozavodsk State University,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia,
researcher-volunteer,
Master in History (46.04.10)

THE MEMORIES OF GEORGY AKATOV (part I)

Abstract: Published reminiscences of Georgy Akatov preserve all the features of his language and style. We believe that the uniqueness of this text is due to a high level of the author's individuality, and that its authenticity may be of interest not only for linguists, but for social psychologists as well. In addition, the author of the reminiscences repeatedly stressed that he had tried to preserve and convey the specifics of the collective mentality of the village community where he was born and raised, emphasizing all the features of the speech structure of the surrounding people — his relatives and neighbours, as well as the inhabitants of the surrounding villages.

Another reason why Georgy Akatov's reminiscences should be accurately represented is that he was a direct descendant of the «blind old peasant» who sang Russian epic narrative poems (bylinas or starinas) recorded by a famous Russian folklorist Alexander Hilferding in the summer of 1871. This is evidenced by Hilferding's enthusiastic quote: «... I begged him to share his starinas with us, and an old man Yev Eremeyev started singing an excellent epic poem about the transformation of a Russian bogatyr Dobrynya under a magic spell of our Russian Circe, Marinka». A commentary on the cited quotation, posted on the website of the Genealogical Society of Karelia by Tatyana Panyukova, a great-grandniece of Georgy Akatov's brother (https://vk.com/photo-44741316_290992618), reports that she is the third great-granddaughter of the above-mentioned narrator, which suggests that her third great-grandfather and Georgy Akatov's grandfather Yev Eremeyev (a hero of many colourful episodes recollected by Georgy Akatov) are the same person.

Key words: Georgy Akatov, reminiscences, Kokorin Ostrov, Meloy-Guba, Kondopoga, Petrozavodsk, Saint Petersburg, craft apprenticeship